

В. Лизун

Второе рождение

—СТИХИ—

Виталий Лизун

**Второе
рождение**

Сборник стихов

Смирново—1993

О ПОЭТЕ

Эта книга — первый сборник стихов самобытного поэта, который посвящает свое творчество землякам. Юность, опаленная войной, целинные годы, красота родного края и широта человеческой души — все это нашло свое отражение в стихах, пронизанных любовью и добротой.

Виталий Дементьевич Лизун родился 25 июня 1925 года в селе Безлесное Советского района Северо-Казахстанской области, где и живет до сих пор. Когда началась война, ему было 16 лет. В 1940 году работал в колхозе, а в

1942 году попал на фронт на Курскую дугу, где был тяжело ранен.

После госпиталя приехал домой, начал работать учителем, заочно закончил Петропавловский учительский институт. На ниве народного просвещения он трудился 43 года.

С начала 50-х годов В. Д. Лизун активно печатался в областных и районной газетах, республиканских журналах. Его стихи есть в двух коллективных сборниках «Зори над степью» и «Целинный меридиан», вышедших в Петропавловске и Алма-Ате.

В сборник «Второе рождение» вошли стихи разных лет, которые отражают широту интересов автора, истинного сельского интеллигента, подвижника.

Творческий путь поэта по своему прост и сложен одновременно. Почти пять десятилетий ждал он издания своего первого сборника, и это стало как бы его вторым рождением. Стихи В. Д. Лизуна отличаются искренней, глубокой любовью к родному Приишимью, людям чести, долга и труда, они по философски мудры и в то же время близки и дороги каждому читателю.

О преданности, Родина,
Я не хочу говорить словами.
Я молодым,
Взяв винтовку в руки,
Пошел тебя защищать.
И этим уже все сказано.

КУРСКАЯ ДУГА

Уже тогда в рассвете синем,
В том дымном,
Памятном бою,
Нам представлялось,
Как Россия
Победу празднует свою.
И вот в Москве гремят
Салюты...
Взят Курск!
Освобожден Орел!
Бросался враг в атаки
Лютые,
Но на Восток уже не шел,
Он бил снарядами
В траншеи, —
Дымилась рощи и луга,
Но преградила путь
Манштейну —
Большая Курская дуга!
Земля разгневанно
Дрожала,
И мины продолжали выть...
В те дни Россия
Возмужала,
Чтоб в сорок пятом
Победить!

ПАВШИМ ПОБРАТИМАМ

О как мне часто снятся те,
 Что похоронены под Курском,
На малой Н-ской высоте —
Казах, грузин,
 Таджик и русский!
Мои друзья военных лет —
Не встретиться мне больше с вами,
Не видеть розовый рассвет
Над почерневшими полями.
 А каждый так любил свой край:
 Аму-Дарью, Куру и Волгу...
Вы пулей скошены, осколком,
Без вас снял победный Май,
Зарос травой тот блиндаж,
Окопы те, что рыли вместе,
Где вспоминал таджик про Вахш,
 Казах нам пел Абая песни,
И как же горько от утрат,
Что не поздравить телеграммой
Мне павших сверстников — солдат,
Отважных, гордых и упрямых,
Пусть для стихов немало тем —
Жизнь не прошла в стремленье узком,
Но снова кланяюсь я тем,
 Что похоронены под Курском,

ТРУДОДНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Пусть мамы беззвучно рыдали,
Держа «похоронки» в руках,
А мы все отцов поджидали,
Не веря в жестокость бумаг,
И делу старались учиться
В суровые эти года,
И словно голодным синицам
Нам снилась все время еда,
Коней угоняли в ночное,
Тетради забыв и перо,
И слушали с горькою болью
Сводки Информбюро,
И пусть мы годами не вышли,
Чтоб ринуться сразу в бой,
Зато нам в учетные книжки,
Взрослеющим сельским мальчишкам
Бухгалтер вписал трудодни,
Они были меньше отцовских
И «весили» мало совсем,
Но в жизни я, честное слово,
Обязан буквально им всем,

ПАНФИЛОВЦЫ

А было так:
Клочков Василий
Повел бойцов в неравный бой...
Они врага не
пропустили,
Остановили под Москвой.
И, оцетинившись стволами,
Смерть шла на них
почти в упор.
И, вспыхнув свечкой,
над полями
Сдавался крупновский мотор.
А белый снег был,
точно вата...
Над каждым танком —
черный дым,
Следят, что лег под танк
с гранатой,
Навек остался молодым,
Их было горстка —
двадцать восемь,
На них шли танки,
шли стеной,
Бессмертный подвиг
в эту осень
Они вписали под Москвой.

БОЙ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

Было поле без травинки,

голос...

Солнце скрылось, будто плыл закат,
Башни танков, точно срубленные головы,
Возле «тигров» на траве горят.

Был здесь бой, невиданный и страшный,
И стонало поле, будто бы от ран,
И «пантеры» не пугали наших,
Шли «тридцатьчетверки» на таран!

Танк на танк, броня против брони,
Не смолкали на поляне сечи,
И пылали заревом огни,
Тут горели танки, словно свечи.

И танкисты наши сбили спесь,
Удержав железную лавину...
В наступленье перешли мы здесь
И пошли отсюда до Берлина!

БАЛЛАДА О БЕССМЕРТИИ

Дошел курсант
до берега Днепра.
На правом берегу —
окопы фрицев...
Хотя б уснули те
прожектора,
что не дают
ребятам закрепиться,
И высадился ночью
третий взвод,
и столб воды
взметнулся над рекою,
когда снаряд ударил
прямо в плот, —
и полетели щепки
над водою,
Навстречу смерти
взвод курсантский лег,
потом они направились
под пули,
их удержать уже никто
не мог,
они в свое бессмертие
ш а г н у л и...

Фитиль в консервной баночке чадит,
Не раздеваясь, спят бойцы вповалку,
Лишь ветер за стеной совсем не спит,
Отчаянно стучится к нам в землянку.
А я уснуть спокойно не могу,
Твои глаза встают передо мною,
Они, как ландыш синий на лугу,
Омытый утром чистою водою.
В твоих глазах — родного края цвет,
Пахучесть трав, восхода полыханье...
В них огоньками светится рассвет,
И нашей встречи долгой ликованье.
Твоим глазам я посвящаю стих,
Глазам спокойным, с огоньками света...
Как далеко в землянке я от них,
Как близок час солдатского рассвета.

Б Е Р Е З А

Я потерял под Курском
много крови,
и лишь к березе
доползти сумел,
как закружилось
в голове все снова,
Щептал: «Воды!»
Я очень пить хотел...
Глотал я ртом
прохладу под березой,
и чудилось —
бежит мне в рот
родник.
Была роса на листьях,
точно слезы,
и я губами к той росе
прилики...
Видать, роса,
что губы помочила,
дала мне силы до утра дожить,
и — потому
зову березу
м и л о й,
покуда жив,
ее буду любить!

ГЛАВНЕЙШИЙ ЧИН

Мне в 45-м ровно было двадцать,
Когда весной закончилась война.
Я мог бы ветераном называться...
На голову упала седина...
Я рано повзрослел и стал мужчиной.
На фронт ушел, когда позвал набат,
И начал жизнь с Главнейшего я
чина,
Стал Гвардия страны моей Солдат!
Всегда был в сердце долг солдатской
клятвы,
Где б я ни шел, куда звала труба.
И сердца ритм созвучен с ритмом ратным,
Судьба страны — была моя судьба!
Страна, считай всегда меня Солдатом,
Когда ты скажешь, возвращусь я в строй.
И если надо, снова с автоматом
В Главнейшем Чине я отправлюсь в бой!

КРАСНЫЕ МАКИ

Там, где был окоп
Сыпучий,
Где тянулся ров,
Вырос мак на самой круче,
Красный, точно кровь.

А чуть ниже —
Маки, маки...
Огненно кругом.
Вспоминаются атаки
В битве под Орлом,
И под Курском
Те же маки
Тянутся с земли,
Здесь мои ребята
В схватке
На смерть полегли.

И, как память
О солдатах,
Что на танки шли,
И погибли тут
На скатах, —
Маки расцвели.
Видно, крови
Было много
Пролито вокруг,
Потому что за дорогой —
Светлокрасный луг.

СОЛДАТАМ

Вас вспоминаю,
безрукие...
Вас вспоминаю,
безногие...
Я тоже тяжелые муки
пронес по военным
дорогам,
Нас мало осталось
в списках
в районном военкомате.
Друзьями мы были
близкими
друг
другу,
как кровные братья,
Где летом
овсы колхозные
зеленой стеной
вставали,
В войну мы в атаку
грозную
не здесь ли
тогда шагали?
Уходят герои Ладоги...
Уходят герои Берлина,
И плачет по-вдовьи радуга
Там над могилой сына.

ПРИИШИМЪЕ

ВСТРЕЧА

Родной Ишим!
На берегу твоём
Стою,
Молчу,
Красой твоей люблюсь,
Ты для меня — не просто подвѣем,
Тебя в стихах прославить не смогу я,
Тебя сейчас
Я встретил, как земляк,
Воды студеной зачерпнул руками,
Стучало сердце — дружбы верный знак,
Так значит было что-то между нами,
Пустьай в песок
играть не лезу я,
Резвятея в нем моих соседей дѣти.
Но мы, как были, так и есть друзья,
А старый друг дороже всех на свете!

ОЗЕРО ЧАГЛЫ

Косяк гусей крикливо пролетает,
Похож он впрямь на острие стрелы,
Упругий воздух клином разрезает
Над самой гладью озера Чаглы.

И людям не до праздных разговоров,
Лишь тракторы рокочут по полям,
И песня ввысь несется над простором,
И вдаль летит по серым большакам,

Пшеница сонно в поле замечталась,
Прислушалась к гусиной говорне,
И мне сейчас не в шутку показалось,
Что все поет о хлебной целине.

Уже сегодня не паслись коровы,
Теперь рожку пастушьему не петь...
И лес стоит за речкою суровый,
И солнце потускнело, словно медь.

А с фермы пахнет спелой кукурузой,
И стелется над крышей сизый дым...
Сползают тучи к горизонту югом,
Как будто небо сделалось сырым.

Кричат вороны в роще одиноко,
Шиповник низкий рдеет на меже,
И улетают журавли далеко, —
Неужто осень и нам пришла уже!

М А Р Т

Он взбивает тучи, как подушки,
Пробный выезд смотрит на селе,
И выводит ели на опушки,
Все убрав сугробы на земле.

И с рассвета ходит по проселкам,
И метет невидимой метлой...
Подрезает на аллеях челки
Возле клуба роще молодой.

Тяжело ему в лесу и в небе...
Голубая даль уже ясна,
И в раскрытых складах пахнет хлебом,
Март готовит к севу семена.

С Т Е П Ъ

Я в степь вхожу,
как в старый русский храм,
Возвышенность —
глаза не отрываю,
И первозданностью люблюсь там,
Как будто я иконы изучаю,
Тут красотой наполнится душа,
Житейской грязи сбросится
частица,
Родная степь!
Тобой одной дыша,
Позволь навек мне с ковылями
слиться!
Пусть менский гром грохочет
надо мной,
Пусть в радугах все краски
отразятся,
Придут сюда —
и дочь и сын родной,
И будут степью этой
любоваться!

КРАЙ РОДНОЙ

Кто-то хвалит теплое Полесье,
Кто-то про Карпаты говорит...
Круглый год повсюду там чудесно,
И на крышах аист ночью спит!

Я не спорю с вами про Полесье:
Точно сказка, этот край лесной,
Только наши степи с нравом дерзким
Не сменяю я на край любой!

Снег у нас чуть синеватый,
А весной какой тут аромат!
Я люблю лесистые Карпаты,
Только степи ласковой глядят!

Нет сразенья солнышку степному,
Что целует стебли ковыля,
И ведет оно меня до дома,
Где кругом пшеничные поля!

НА ТОКУ

Журавли уходят в высоту,
Над Ишимом далью слогна клубится,
И звенит поспевшая пшеница
У девчат в лопатах на лету.

Хобот вверх копнитель приподнял,
Небо копны подпирают туго,
Два студента — закадычных друга —
На уборке встали за штурвал.

Нагрузив зерном доверху кузов,
И забыв, что спать уже пора,
В дальний рейс уходят шофера
С полновесным, самым срочным грузом.

Отдыхать прилег у самосвала
Весовщик — студент из МГУ, —
И луна, свой серп согнув в дугу,
Прямо над центральным током встала.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь бросил позелоту
На кроны плачущих берез,
И журавлей собрал к отлету
Передохнуть на ближний плес.

Покрасил заревом малину,
В лесу красно, как от костров.
Он путать поле паутиной
Десятки раз на день готов.

Сентябрь — шустрый непоседа:
Он корм палимам раздает,
То ребятишкам до обеда
Арбузным соком красит рот.

Зерно сгружает по совхозам,
Наполнив золотом тока,
В стерне, подкрашенной морозом,
Пугает спящего сурка.

НА ТОКУ

Журавли уходят в высоту,
Над Ишимом даль слегка клубится,
И звенит поспевшая пшеница
У девчат в лопатах на лету.

Хобот вверх копнитель приподнял,
Небо копны подпирают туго,
Два студента — закадычных друга —
На уборке встали за штурвал,

Нагрузив зерном доверху кузов,
И забыв, что спать уже пора,
В дальний рейс уходят шофера
С полновесным, самым срочным грузом.

Отдыхать прилеж у самосвала
Восовщик — студент из МГУ, —
И луна, свой серп согнув в дугу,
Прямо над центральным током встала,

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь бросил позолоту
На кроны плачущих берез,
И журавлей собрал к отлету
Передохнуть на ближний плес.

Покрасил заревом малину,
В лесу красно, как от костров.
Он путать поле паутиной
Десятки раз на день готов.

Сентябрь — шустрый непоседа:
Он корм налимам раздает,
То ребятишкам до обеда
Арбузным соком красит рот.

Зерно сгружает по совхозам,
Наполнив золотом тока,
В стерне, подкрашенной морозом,
Пугает спящего сурка.

Чувствуется:

снегу тяжело

лежать под солнцем
мартовским в зарежье,
Где небо стало синим,
как стекло.

Желанная весна

спешит навстречу.

Всю ночь река стояла,
как больной,

и лед трещал

за мельницей горбатой,
а почки на березе молодой
надулись,
стали мягкими, как вата.

И где вчера лежал

из снега вал,

и бороздкам тракторы раздолье,

сегодня грач

торжественно шагал

и в даль смотрел,

как агроном, на поле.

А ВГУСТ

Было столько

всяких дум у нас:

То теплом,

то холодом повеет...

Просыпались ночью

мы не раз,

Слушали:

не дождь ли барабанит!

Вот и август,

Он подвел черту

Всем тревогам

и сомненьям нашим,

Хлеб пошел повсюду

в высоту,

С каждым днем становится

все краше!

Все в восторге:

«Добрый нынче хлеб!

Начинаем скоро косовицу...»

Будто август высыпал на степь

Золото в отборную пшеницу...

ГОРБУШКА ХЛЕБА

Горбушка хлеба

с крупной солью...

Нет лучше, кажется, еды!

К нам аппетит приходит в поле,

У самой крайней борозды,

Свежо запахнув майским медом,

Хрустит горбушка на зубах,

Не ел вкуснее хлеба сроду,

Чем этот —
на семи ветрах,

Перекусив горбушкой малость,

Воды холодной я напьюсь,

Проходит вся моя усталость, —

Я снова

бодрым становлюсь,

Отшептался я,

отцеловался...

И даю дорогу молодым,

Вон как парень юно размечтался,

Бидно, что-то происходит с ним,

А девчонки!

Ну и озорницы!

Еще снег осезший во дворах,

А им дай уж платьице из ситца,

Туфли на высоких каблуках!

Что, весна, ты делаешь

с девчонками!

Режут челки,

Платья себе шьют,

И стоят подолгу перед окнами,

Будто сказку в гости к себе

ждут.

Отшептался я,

отцеловался...

Уступил дорогу молодым,

И еще на свадьбах отплясался,

Откричался «горько»

молодым,

КОРАБЛИК

Детству было просто интересно,
На тужило детство ни о чем,
Наигравшись, улетело с песней
За газетным мокрым кораблем.

По ручью, на волнах, чуть качаясь,
Плыл да вплыл кораблик мой вперед,
Улетело детство, улыбаясь,
В море бурь и штормов, и невзгод.

Где-то у березы светлобокой
Робко размечталось о любви,
Юность, где ты!

По реке широкой
Парусником легким проплыви!

Д О М

Быть может, дед мой,
что Досну оставил
И за Урал махнул
искать судьбу,
Выплылдал всю зиму
эти ставни,
Чтоб нарядить
узорами избу,
Садился иней
при большом морозе,
Лежал на крышах —
видно за версту,
И дедовы узоры,
словно розы,
Творенью придавали
красоту,
Сто лет избе,
а может, даже двести,
Мох почернел
от ветра и дождей...
Решили строить дом
на этом месте,
Большущий дом
на девять этажей,
Вот тут изба стояла
с петухами,
И по утрам шагал
с рожком пастух,
Дом засверкает скоро
этажами,
А мне все снится
деревенский путь.

ОРКЕСТР

У нас был свой оркестр струнный,
Сиделись братья в один ряд.
И я в оркестре самый юный
Среди своих родных ребят.

Отец и мать сидели рядом,
Играли вальс тогда сыны,
И в жизни лучшего б не надо,
Не будь жестокой той войны,

И смолк оркестр наш семейный,
Лишь я один пришел домой...
А гитарист лежит под Ельней,
Скрипач схоронен под Москвой...

Теперь мои играют дети.
Оркестр струнный не пропал,
Лишь были б чистые рассветы,
Да им никто не помешал.

Напьюсь и захвачу с собою

Воды,

спадающей с небес.

Пройду под радугой-дугою,

что обняла шумливый лес.

Ах, этот дождик сенокосный!

Как сладок мне твой пресный вкус.

Вот этой влагой

чистой,

росной

Я от бессонницы лечусь!

Я подставляю каплям спину,

Стучи в лопатки и в бока!

Не бойтесь!

Нет, я не простыну, —

бурли сильней,

дождя река!

И если вам не спится

ночью,

несладко в жизни и труде.

Даю совет вам,

между прочим, --

лечите нервы на дожде!

ОРКЕСТР

У нас был свой оркестр струнный,

Садилась братья в один ряд.

И я в оркестре самый юный

Среди своих родных ребят.

Отец и мать сидели рядом,

Играли вальс тогда сыны,

И в жизни лучшего б не надо,

Не будь жестокой той войны.

И смолк оркестр наш семейный,

Лишь я один пришел домой...

А гитарист лежит под Ельней,

Скрипач схоронен под Москвой...

Теперь мои играют дети.

Оркестр струнный не пропал,

Лишь были б чистые рассветы,

Да им никто не помешал.

Напьюсь и захвачу с собою

Воды,

спадающей с небес.

Пройду под радугой-дугою,

что обняла шумливый лес.

Ах, этот дождик сенокосный!

Как сладок мне твой пресный вкус.

Вот этой влагой

чистой,

росной

Я от бессонницы лечусь!

Я подставляю каплям спину.

Стучи в лопатки и в бока!

Не бойтесь!

Нет, я не простыну, —

бурли сильней,

дождя река!

И если вам не спится

ночью,

несладко в жизни и труде.

Даю совет вам,

между прочим, —

лечите нервы на дожде!

РАССВЕТ

Просыпаюсь раньше, чем светает,
Выхожу на улицу, во двор,
Наблюдаю, как заря пылает, --
На полнеба розовый костер.
Это ли не чудо в самом деле!
Посмотрите, встаньте поскорей!
Солище поднимается с постели,
Ходит утро рядом у дверей.
Все опять пришло везде в движенье:
Зашумели дальние поля,
Повернулись к солнышку растения,
Улыбнулась ласково земля,

МОЕМУ ДРУГУ МУРАТУ

Горжусь его руками золотыми,
Он брался за любое ремесло,
Прославился науками своими
Мой дед на все старинное село,
И с ветром гулким шли в аулы слухи
Про мастера из русского села,
Что он умеет гнуть сырые дуги,
И делать украшенья для седла;
Мой дед орагай, богатырь былинный,
Мог печи ставить, чайники паять,
Он твоему дал саженцы малины,
И научил зеленый лук сажать...
А твой учил езде на иноходце,
Рассказывать любил он про байгу,
Друг-другу помогали рыть колодцы,
Пасты овец в ненастье на лугу...
И мы с тобой, как деды наши, дружим,
И нет нигде друзей дружнее нас:
Ты к нам идешь по-дружески на ужичи,
И я кумыс душистый пью у вас,
Истоки дружбы тянутся к ним с детства,
Один из всех был нам Ишимский край,
И эту дружбу дали нам в наследство —
Мой дед Иван
И твой дед Балтабай!

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Я первый раз родился
в двадцать пятом,

Второй раз — в сорок третьем,
под Орлом...

Когда на танк немецкий полз
с гранатой,

И ранен был осколком за леском.

Кругом такое было —
ад ли, что ли!

Бомбежка,
взрывы,
грохот,
трескотня...

И я, как пласт, лежу на этом поле,

Считай, что в пекле самого
огня.

Меня в санчасть тянули
на шинели,

Над нами «мессер» яростно
кружил,

И как меня бойцы спасти сумели,

Когда я был в ту пору
полужив!

И если есть вообще на свете
чудо,

То это чудо связано со мной:

Пройти сквозь пекло, я считаю,
трудно,

и выжил...
Но я прошел,
и живой!

ПАМЯТЬ

Все вздыхает, все мается —

Мама стала другая:

Ей война вспоминается

От июня до мая,

Будь от сына хоть строчка,

Мама б вся засняла,

Сорок лет ждет сыночка,

Ждать его не устала,

Фотографики старые

Достает из платочка,

Там красавица Дарья,

Молодая, с сыночком,

Вспоминает хорошее,

Все вздыхает, все мается,

Только теплее прошлое

Никогда не изгладится.

ФЕВРАЛЬ

Февраль пришел хорошим человеком,
С собой принес тепло и доброту:
Наделал лунок на замерзших реках,
Одел в тулуп озябшую ветлу.

Навел дороги через лес тяжелый,
Где не проехать летом, не пройти...
Осколки солища разбросал по селам,
На санном ископычечном пути.

Сосульковые поразвесил шторы,
Прошелся легкой кистью озорной,
И с окон снял цветистые узоры,
Что стужей были вытканы самой.

Как хочется мне
 быть таким же щедрым,
Творить добро,
 жить только для людей,
Пресодолеть часы и
 километры,
Чтоб людям стало чуточку
 теплей!

СЧАСТЬЕ

Нет, не верь, что счастье — для особых,
Не для избранных — оно для всех!
Но оно лишь в поисках и пробах,
В страстной вере в собственный успех,
В тех исканиях, что бессонной ночью
Вылились в кривые чертежи,
Счастье добывается настойчиво —
В вихрях домен, в зареве огней,
У станка...
Со штормом в океане,
С жгучим солнцем,
С маревом в степи,
Кто его находит в Казахстане,
Кто на трассах Млечного пути,
И пускай твой поиск неудачен,
И пускай ты признанным не стал,
Все равно — в исканиях горячих
Разве ты его не кыптал!

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Мои предки родились в деревне,
Что стояла за синей Окой,
Я горжусь родословной древней,
Что связала себя с землей,
Только труд возвеличил Россию,
Только я его славлю и чту,
Дал он ей нескорность и силу, —
Все об этом я в книгах прочту!
Все мужик, все ремесленник ладный
Деревянную строил Русь,
Где за плату, а где и бесплатно,
Я с любовью к родне отнесусь,
И в церквушках, и в храме Блаженного
Их работали мастера,
Сколько мудрого и степенного
Поотстроили тут мужики!
Возводили строения прочно,
Чтоб стояли они века,
Все красиво, масштабно и сочно,
Чтоб смотрелось издалека,
Если осенью шли на покосы,
Лентой падала спелая рожь,
И мужик, загорелый и рослый,
На Добрыню Никитича схож,
Вот откуда начало рода —
От ильменских славян идет,
Доброта у него — от природы,
А размах — от российских широт,
Низко кланяюсь вам, славяне,
На могилах у ваших ног...
Род наш храбрый, суровый и древний
От врагов Русь святую сберог!

На куличках у черта тертые,
По примеру своих отцов,
Шли ребята, судьбою гордые,
В сорок первом
В ряды бойцов,
Молодых
И еще не целованных
Жизнь бросала за тысячи верст,
Перед ними вставала снова
Их романтика во весь рост,
Вечно будут они безусые
В бронзе вылитой век стоять,
И с чубами и косами русыми
Воскресают они опять!
Не сидится им
В гнездах тепленьких —
Тянет их к нефтяным морям,
Машут весло ветками тополи
Отправляющимся поездам,
Спят они — и во сне улыбаются,
Им бока телогрейки жмут,
А под ними земля вращается,
Пятна белые хлопцев ждут!

Л О С И

Израшив в кровь истертые
копыта,
Брели по снегу лоси
наугад,
Они траву искали
по раkitам,
Но где найдешь ее ты
в снегопад?
А скирды сена забрели
в сугробы
И зябко приуныли на снегу,
На них наткнулись
лоси крутолобые
На третий день в январскую пургу,
И, утонув по самые
колени
В мохнатый снег
у начатой скирды,
Лосиха ела, как голодный
пленник,
Дождавшись сладко
пахнущей еды,
И пахло сено, О, как пахло сено!
И чудилась им летняя
пора,
И лось поджал распухшее
колени,
И так стоял с лосихой
до утра.

Потеплело,
Деревья снова
В рыжеватом стоят цвету,
Бабье лето...
Хорошим словом
Звали прадеды красоту,
Бабье лето...
Пройдусь по саду,
Паутинки возьму рукой,
Ничего мне на свете не надо,
Лишь была бы Россия со мной!
Бабье лето...
Так звали исстари
Эту синь голубых небес,
Журавли мне курлычат издали,
И зовут меня в гости лес,
Ничего мне на свете не надо,
Только б видеть всегда красоту
И дышать бы осенней прохладой,
Что звенит по утрам
За версту!

ТАРАСОВА ВЕРБА

Посвящается памяти Т. Г. Шевченко

Суров и дик безлюдный Мангышлак,
Здесь ветер рыщет, словно волк зимою.
Вот, кажется, снесет сейчас барак
И бросит за Хивинскую тропюю,
Металась верба, как больной в бреду,
Безжизненно поникла головою,
Задохнуть ей на первом бы году,
И злую память унести с собою.
Не может спать Тарас сейчас никак,
Тот тонкий прут стоит перед глазами,
Который он привез на Мангышлак
Из Гурьева безлесными степями.
Он посадил то деревце весной
В Новопетровском, в память о солдате,
Который шел под шомпола сквозь строй,
Кровоточащий, серый и горбатый.
Три года поливал он вербу ту,
Писал стихи и рисовал портреты...
Сто с лишним лет она весной в цвету,
Как памятник великому поэту.

Я Б Л О Н Я

Натянулись корни, словно нитки,
Наклонились ветки над землей,
Спорит у простуженной калитки
Яблоня с метельною зимой,
Донага раздетая, босая,
И не гнется, тонкая, в пургу —
Я тебе согреться, дорогая,
В трудную минуту помогу,
Камыша возьму на сеновале,
И сплету одежду из травы,
Чтоб тебя пурга не продувала,
Я одену с ног до головы,
В землю крепко кол вобью сосновый,
Чтобы ветры были мипочем:
Обопришь-ка смело на обнову
Маленьким натруженным плечом,
Зеленой весной на радость детям,
Жарким летом будем поливать,
...Мне вот так же хляпцы
в сорок третьем
Помогли на фронте устоять.

Г А Р М О Ш К А

Была у соседа гармошка —

Веселый такой
инструмент,

Пиликал на ней он немножко,

Когда приходил на обед,

А мне хоть в руках
поддержать бы,

Не то чтоб на ней
поиграть,

И звали соседа на свадьбы —

Под музыку ту танцевать,

Просить у соседа боялся

Гармонь одолжить
на часок,

Чтоб он надо мной не смеялся:

Какой из тебя, мол, игрок,

Желал я соседу дороги,

Далекой дороги лесной,

Чтоб мне довелось
на пороге

Сыграть на гармонике
той,

Но, видно, уж участь такая —

За годом бежали года...

Я детство свое вспоминаю,

Гармошку, что снилась
всегда,

Быть может, тот случай —
не драма,

При чем тут соседа
вина!!

Купила б гармошку мне мама,

Но ей помешала война.

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Все у нас открыто, как душа:
День рожденья, свадьба ли, гулянье...
Если уж беда, — скорей спешат,
Не оставят в горе, без вниманья,
Говорят: ни пуха, ни пера,
И присядут все перед дорогой,
Если гость уходит со двора,
Бабка скажет: «До свиданья! С богом...»
Так ведется исстари у нас:
Гостя — в красный угол, к караваю,
Жив обычай русский и сейчас,
Так и я гостей своих встречаю,
Чтобы счастье заходило в дом, —
Выгнулось село мое подковой,
И живут открыто люди в нем,
Сделать для других добро готовы,
Я люблю обычай свой родной,
Что для нас оставили славяне:
И живут, как братья, меж собой
Милые мои односельчане

У Ч И Т Е Л Ь

В году учебном с ног валился —
К восьми к ребятам я шагал,
И над ошибками возился,
И над конспектом засыпал,

Взлетали в классе самолеты,
И плыли лодки наугад...
И шли в заботах мои годы,
Я был влюблен в своих ребят.

Я верил: шалости исчезнут,
И годы детства улетят...
Мальчишки девочек любезно
На танцы в школе пригласят,

Смотрел, как утро начиналось
За школьным вымытым крыльцом, —
И вдруг тогда мне показалось,
Что был для трудных я отцом.

По утрам не до зеркала ей,

Все б успеть,

а дела наступали...

И не стало уже тех бровей,

Что когда-то лицо

украшали.

И глаза — хоть ты мой,

хоть не мой,

Затянуло как будто

туманом.

Вдовье лето

идет стороной,

Повстречалось с осенней

прохладой.

Хоть бы с фронта

писал муженек,

Легче было бы ей

дождаться...

И прикрыл уже иней висок,

Загубели мозоли на

пальцах.

КАША ИЗ
ПРОШЛОГОДНИХ КОЛОСКОВ...

Все дети знали:
завтра утром мама
не будет спать,
в углу стоит дежа...

Лишь только утро
засинеет в рамах,
над тестом встанет
мама не дыша.

На жерновах
домашних намололи
ржаной муки
из черных колосков,
Четыре дня ходили
с мамой в поле,
чтоб колоски собрать
для едоков.

И радости ребячьей
нет предела,
когда из печки
запахи пошли!
Сестра давно
на стульчике сидела,
ждала, когда остынут
крендели.

Мы понимали:
нам теперь не страшно.
Стерня от снега высохла давно.
Пойдем на поле —
наметем для каши,
из-под копны
ничейное зерно...

ДЕСЯТЫЙ «А»

И были думы у ребят свои —

Закончить десять классов

на четверки,

Но вместо книг —

шинель, война,

бом...

Кому — «Максим»...

Кому — «Тридцатьчетверки»...

Учили топографию в лесах,

В делах саперных алгебру

зубрили,

И пулями чертили в небесах,

В Берлине все науки

повторили!

Солдат за книги сел уже потом,

Когда у парты костыли лежали,

Он низко наклонялся над листком,

Как в школе, пальцы так уж не писали,

Не соберешь теперь десятый «А».

Мальчишек нет,

остались похоронки...

И были думы у ребят свои —

Учиться на «четверки» и «пятерки»...

К Р Е С Т

Так уж жизнь распорядилась,
Что у каждого свой крест.
Пронести его, как милость,
Суждено за божью честь.

Крест тяжел. Такая доля.
Но его нам всем нести
Со слезами, с тяжкой болью,
Не бросая на пути.

Именной нам крест назначен,
Так что нечего бранить.
И судьба твоя иначе
Крест не может изменить.

Пронести его до гроба,
Не дано нести вдвоем.
Крест у каждого особый —
Дан Иисусом он Христом.

ПАМЯТИ СЫНА

Владимиру

Он службу выполнял не кое-как,
Ведь летчику нет права ошибаться.
Он улетал ночами в черный мрак,
Чтоб, выполнив задание, возвращаться.

Лицо от перегрузки — не узнать:
Оно меняет быстро свою форму...
А реактивный взмыл — и не догнать,
Заметен он лишь в небе синем взору.
Его уж нет, он в памяти живет,
То маленьким воскреснет, то — женатым.
Он перед нами в полный рост встает —
Веселым, жизнерадостным, чубатым.

Чем дальше путь — тем сердцу тяжелее:
Вновь письма перечитывать его...
Свет памяти о сыне не тускнеет —
Как звездный свет, что светит далеко.

СОДЕРЖАНИЕ

О преданности...	1
ЛИХОЛЕТЬЕ	
Курская дуга	— 2
Навшим побратимам	— 3
Трудовые военных лет	— 4
Панфиловцы	— 5
Бой под Грохоровкой	— 6
Баллада о бессмертии	— 7
«Фантик в консервной баночке падит...»	— 8
Береза	— 9
Главнейший чин	— 10
Красные маки	— 11
Солдатам	— 12
ПРИШЛИМЬЕ	
Встреча	— 13
Озеро Чаглы	— 14
«Уже сегодня...»	— 15
Март	— 16
Степь	— 17
Край родной	— 18
На току	— 19
Сентябрь	— 20
«Чувствуется, снегу тяжело...»	— 21
Студенты на сенокосе	— 22
Анютины глазки	— 23
Август	— 24
Горбушка хлеба	— 25

БАБЬЕ ЛЕТО

«Отщептался я...»	— 26
Кораблик	— 27
Дом	— 28
Оркестр	— 29
«Напьюсь и захвачу с собой...»	— 30
Рассвет	— 31
Моему другу Мурату	— 32
Второе рождение	— 33
Память	— 34
Февраль	— 35
Счастье	— 36

НОВЫЕ СТИХИ

Моя родословная	— 37
«На куличиках у черта тарты...»	— 38
Лоси	— 39
«Потопило...»	— 40
Гарсофа верба	— 41
Яблода	— 42
Гармошка	— 43
Русский обычай	— 44
Учитель	— 45
«По утрам не до зеркала ей...»	— 46
Каша из прошлогодних колосков	— 47
Десятый «А»	— 48
Крест	— 49
Памяти сына	— 50

Виталий Дементьевич Лизун

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

(Стихи)

Редактор Т. Лесикова. Корректор Т. Успенская
Набрано и отпечатано в Советской районной арендной
типографии. Печать высокая. Гарнитура журн. руб. 70х90 — 204
уст. п. л. Заказ 1051. Тираж 1000 экз. Цена свободная